

Научные школы в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения: к изучению вопроса

Рассматривается история изучения, определены критерии и подходы к идентификации научных школ в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения. Представлены научные школы, сложившиеся к настоящему времени в ГПНТБ СО РАН.

Ключевые слова: научные школы, библиотековедение, библиографоведение, книговедение, научные колледжи, научные коллективы, критерии научных школ.

**Оксана Владимировна
Макеева,**
научный сотрудник
отдела научно-исследовательской
и методической работы
Государственной публичной
научно-технической библиотеки
Сибирского отделения Российской
академии наук (ГПНТБ СО РАН),
кандидат педагогических наук

Тема становления и развития научных школ в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения не является глубоко изученной и популярной у специалистов. Некоторые вопросы по указанной проблематике освещались, но обобщающих научных трудов обнаружить не удалось. Объяснить это можно отсутствием единства в понимании сущности самого явления, относительной «молодостью» библиотековедения и библиографоведения, малым интересом научного сообщества к данной проблеме, а также тем, что серьезное изучение феномена научных школ в науковедении началось сравнительно недавно*.

С 1980-х гг. актуализировались вопросы изучения научных школ, начали разрабатываться механизмы и критерии оценки деятельности, была создана система грантовой поддержки, и библиотековеды, библиографоведы и книговеды также стали анализировать состояние дел в научных дисциплинах по данному вопросу.

Как отмечает О.Б. Борисова, в библиотековедении наиболее значимые научные коллективы и школы определялись логическими методами (на основе изучения идей, публикаций и монографий) и наукометрическими методами (анализ авторефератов диссертаций, цитирования публикаций) [2, с. 7]. Одну из первых наукометрических попыток осуществил в 1981 г. А.Я. Черняк, выявляя

наиболее продуктивных научных руководителей [20]. Было установлено, что в тот период больше всего работ защищалось по книговедению. По мнению Т.В. Захарчук, о научных школах в библиографоведении упоминалось еще в начале XX в. в трудах Н.Ю. Ульянинского, И.В. Владиславлева, В.И. Невского [9].

В 2011 г. ряд научных коллективов, сложившихся при ГПНТБ СО РАН и позиционирующих себя как научные школы, подали заявки на получение гранта Президента Российской Федерации, однако ни один его не получил. Каковы могут быть причины? Попытаемся проанализировать ситуацию с точки зрения современных взглядов науковедения и требований, предъявляемых к соискателям грантов на поддержку научных школ.

Необходимо отметить, что единого однозначного определения научной школы не сформировано. М.Г. Ярошевский, один из первых исследователей научных школ в России, писал, что «термин “школа”... при всей своей неопределенности... означает, по общепринятому мнению историков, во-первых, единство обучения творчеству и процессу исследования, во-вторых, позицию, которой придерживается одна группа ученых в отношении других» [22, с. 86]. Он же выделил следующие типы школ: научно-образовательную школу; школу как научно-исследовательский коллектив; школу как направление научно-исследовательской деятельности [22, с. 28].

В публикациях зарубежных авторов чаще используется понятие «невидимого колледжа» (НК), отличающееся от понятия «научная школа». Сравнение сущности этих двух явлений позволило И.Г. Дежиной и В. Кисёлевой сделать следующие выводы: «Научные школы в России, как правило, отражают свойства той организационной структуры, на базе которой они существуют, в то время как “невидимые колледжи” определяются на основе косвенных оценок тесноты связей между учеными и потому не обязательно организационно оформлены. В отличие от научных школ “невидимые колледжи” возникают в результате установления различных связей между учеными, поведение которых никак не регламентировано. Основной мотив к налаживанию связей в НК — это интересы дела» [7]. Авторы пришли также к выводу, что «невидимые колледжи» более организационно удобны и перспективны с точки зрения результативности исследований, а также подготовки молодых научных кадров [Там же]. В этом их мнение совпадает с мнением Т. Куна, который считал, что научные школы возникают в период кризиса в науке и часто становятся сдерживающим фактором ее эволюции [14]. Такой же вывод можно сделать из рассуждений П. Бурдые о научных полях и капиталах [4].

В «Извещении о начале и об условиях проведения конкурса» на право получения грантов для поддержки ведущих научных школ России приводится такое определение рассматриваемому понятию: «Ведущей научной школой Российской Федерации (РФ) считается сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью. Указанный коллектив должен осуществлять подготовку научных кадров, иметь в своем составе руководителя, а также молодых (до 35 лет) исследователей...» [18].

В 1996—2002 гг. программа по финансированию научных школ реализовывалась Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). А.С. Левин, возглавлявший отдел поддержки ведущих научных школ РФФИ, приводил следующие признаки, на основании которых осуществлялась экспертиза [15]:

- наличие лидера, признанного научным сообществом, объединяющего несколько поколений ученых, связанных отношениями «учитель—ученик» (связи «учитель—ученик» среди исследователей науч-

ных школ принято относить к сильным, цитирование — к слабым; последние устанавливают при помощи библиометрических методов: анализа цитирования и социтирования);

- существование общей программы исследования, общих научных интересов;
- выработанный представителями школы общий, оригинальный исследовательский подход, отличающийся от других, принятых в данной области;
- рост квалификации участников школы (аспирантов, кандидатов и докторов наук) и воспитание новых самостоятельных ученых;
- наличие постоянного интереса к теоретико-методологическим направлениям в науке, отражающегося в публикациях, подготовке, проведении и участии в семинарах, конференциях.

Заметим, что в некоторых публикациях и положениях о научных школах, разработанных вузами страны, такой признак, как рост квалификации участников школы, может количественно конкретизироваться (количество докторов указывается от 3 до 5 человек) или быть достаточно размытым — «несколько» докторов и кандидатов наук.

В проведенном чуть более 20 лет назад исследовании О.И. Воверене, О.П. Вилькиной и Д.А. Рингайтиса [5] была сделана попытка выявить сложившиеся к 1989 г. научные школы в библиотековедении и библиографоведении путем анализа авторефератов диссертаций. Критериями выделения служит наличие:

- лидера научного коллектива;
- не менее трех докторов наук, защищенных под его руководством (вместе с лидером формируют «ядро» научной школы);
- общей исследовательской программы (тематики, идей, принципов и методов);
- нескольких поколений ученых, объединенных связью «учитель—ученик»;
- цитирования работ учителя в публикациях учеников.

Изучив 1085 авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, защищенных в период с 1934 г. по 1985 г., исследователи выявили 38 ведущих специалистов в указанных областях знания, 11 сплоченных групп и научных направлений в библиотековедении, и восемь — в библиографоведении. Первые диссертации по библиотековедению (по исследованию читателей) и библиографоведению (по методике создания библиографических указателей) были защищены в 1938 г. в Московском государственном педагогическом институте [5].

Групп исследователей, в состав которых входило бы не менее трех докторов наук, тогда было установлено две — О.С. Чубарьяна (теория и методика библиотечного дела) и Г.М. Доброва (анализ информационных потоков и информационных

связей в системах управления наукой и техникой). Эти группы могли на тот момент получить статус научной школы. В библиографоведении таких научных школ выявлено не было.

Одним из выводов работ [5, 20] стала констатация факта, что существовавшая в то время организация научно-исследовательской работы не способствовала созданию научных школ и повышению эффективности научных исследований [3, с. 53]. Следует добавить, что большинство школ первоначально складывалось при вузах, а не при библиотеках.

Чуть позднее О.Б. Борисова, изучив 225 авторефератов кандидатских диссертаций за период 1986—1995 гг., пришла к выводу, что в эти годы в библиотековедении сформировались 12 научных коллективов. Наиболее продуктивным научным руководителем являлся А.Н. Ванеев (15 диссертаций), далее в порядке убывания: Ю.Н. Столяров (14), К.И. Абрамов (11), А.Я. Айзенберг (10), В.С. Крейденко (9), А.В. Соколов (9), А.Е. Шапошников (8), Т.Д. Полозова (7), К.В. Тараканов (6), Т.Ф. Каратыгина (5), В.И. Терешин (5), В.В. Цуркана (5) [2].

В 2010 г. в Российской государственной библиотеке (РГБ) было проведено исследование с целью «получения формальной картины развития библиотечной науки на современном этапе» [11—13]. Изучались диссертационные работы за 2006—2008 гг., эта работа являлась дополнением к общероссийскому исследованию научного сектора центральных и региональных библиотек. На тот момент городами, где сформировались ведущие научные школы, были признаны Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск. Они были названы тремя «научными столицами» библиотечного дела [12, с. 10]. Но если в первых двух городах развитие научной библиотековедческой мысли связано, в первую очередь, с вузами (Московским и Санкт-Петербургским государственными университетами культуры и искусств, Московским государственным университетом печати им. И. Фёдорова), то в Новосибирске — исключительно с библиотекой — ГПНТБ СО РАН.

Следует отметить, что именно представители петербургских научных школ уделяют большое внимание изучению рассматриваемой проблематики, основываясь преимущественно на библиометрических подходах [6, 17]. О московских научных школах публикаций меньше [10].

Отдельное исследование по рассматриваемой проблематике в области библиографоведения было проведено Т.В. Захарчук. По ее мнению, формирование библиографических научных школ началось с 1980-х гг., когда была защищена первая докторская диссертация по этой дисциплине (Д.Ю. Теплов).

Если приведенные выше работы в основном базировались на анализе авторефератов диссер-

таций, т. е. методов библиометрии, то Т.В. Захарчук, помимо этого, использовала и социологические методы. Она провела опрос, респондентами выступили доктора и кандидаты наук, половина из них работают в вузах культуры, где имеются соответствующие кафедры [8]. На вопрос о существовании научных школ в библиографоведении и их лидерах, были названы следующие фамилии (в порядке убывания): О.П. Коршунов, И.Г. Моргенштерн, А.В. Соколов, И.А. Мохов—Д.Ю. Теплов—Л.В. Зильберминц—В.А. Минкина (по фамилиям сменявшихся лидеров), А.И. Барсук, Э.К. Беспалова, М.Г. Voxрышева, В.П. Леонов, Г.Ф. Гордукалова, Г.В. Михеева, Н.В. Здобнов, М.А. Брискман, Г.В. Гедримович, Г.Г. Фирсов, М.В. Машкова, К.Р. Симон, В.А. Фокеев, Г.Л. Левин, Н.К. Леликова.

Общепризнано, что ссылка является индикатором влияния научных идей цитируемого ученого на автора публикации [2, с. 12]. Поэтому логично предположить, что ведущие библиографоведы — лидеры научных школ являются и специалистами, внесшими наиболее значительный вклад в развитие теории и практики научной дисциплины, т. е. их труды должны чаще всего использоваться другими учеными (особенно молодыми) для проведения собственных исследований. Эта гипотеза легла в основу проведенного нами анализа авторефератов кандидатских диссертаций, защищенных в диссертационном совете при ГПНТБ СО РАН. Результаты показали значительное расхождение с выводами Т.В. Захарчук.

Например, труды О.П. Коршунова, которого большинство респондентов в ее опросе назвали в качестве лидера и создателя научной школы, использовали при проведении исследований 18,5% наших диссертантов, работы И.Г. Моргенштерна — 14,8%, А.В. Соколова — 27,8%. Совсем не встречается упоминание работ, послуживших методологической основой диссертаций аспирантов и соискателей сибирско-дальневосточного региона, таких библиографоведов, как И.А. Мохов, Д.Ю. Теплов, В.А. Минкина. Исследования Л.В. Зильберминц упоминаются только в одном автореферате. Безусловно, это не означает, что ученые Сибири и Дальнего Востока не знают трудов перечисленных специалистов, просто их тематика, вероятно, не коррелируется между собой. Направления исследований специалистов этой научной школы, возможно, не получили еще достаточного развития в сибирско-дальневосточном регионе.

Т.В. Захарчук предложила для изучения и идентификации научных школ в библиографоведении основные и факультативные признаки.

Основные признаки:

- наличие лидера;
- существование не менее двух поколений учеников;
- исследовательская программа (программы), разработанная лидером;
- самоидентификация представителей научной школы, т. е. признание учеными себя, принадлежащими к научной школе, возглавляемой определенным лидером;
- наличие традиций;
- признание научной школы как таковой научным сообществом страны или региона [9].

Факультативные признаки:

- наличие монографий или учебников у лидера и/или его учеников;
- существование организации, где зародилась научная школа;
- наличие внутришкольных стандартов оценки качества научных исследований;
- регулярное выполнение научной школой функций внешнего рецензента кандидатских и докторских диссертаций из других вузов и регионов;
- прикладное использование результатов научных исследований [9].

Признаки, сформулированные Т.В. Захарчук, заметно отличаются от представленных О.И. Воверене [5] и существующих ныне в науковедении.

На наш взгляд, состав основных признаков, предложенный Т.В. Захарчук, все-таки недостаточен. Он не учитывает некоторые аспекты научной деятельности, например непрерывность роста квалификации. Состав факультативных признаков — избыточен, он априори должен быть присущ деятельности любого научно-исследовательского коллектива. Кроме того, в условиях перестройки российской науки явно недостаточным выглядит требование о наличии лишь двух поколений исследователей, тем более, что передача знаний — один из важнейших признаков научной школы, выделяющий ее в особую форму организации научных коллективов.

Необходимо отметить, что наукометрические исследования в области библиотекведения и библиографоведения встречаются регулярно в профессиональной печати, однако отдельных работ в области изучения авторефератов и диссертаций по книговедению очень мало, чаще книговедение рассматривается вместе с библиотекведением и библиографоведением [10, 12, 16].

К сожалению, в приведенных публикациях почти не упоминаются ученые сибирско-дальневосточного региона как лидеры, руководители научных школ. Попытаемся восполнить этот пробел и рассмотрим сложившиеся в ГПНТБ СО РАН научные коллективы на основании совмещенных современных подходов и анализа авторефератов кандидатских диссертаций, защищенных в диссертационном совете при библиотеке.

В настоящее время в ГПНТБ СО РАН на статус научной школы могут претендовать три научных коллектива, чьими лидерами являются: Б.С. Елепов—О.Л. Лаврик и Л.А. Кожевникова (в библиотекведении); С.А. Пайчадзе—А.Л. Посадсков—С.Н. Лютов (в книговедении).

То, что ГПНТБ СО РАН — центр сибирского и дальневосточного книговедения, отмечают разные авторы. В Сибири и на Дальнем Востоке сложилась крупная междисциплинарная историко-книговедческая школа, «не имеющая аналогов в России в институциональном, профессиональном и проблемном планах» [19, с. 112; 21].

Эта школа отвечает всем изложенным выше критериям «ведущей научной школы», использующимся при предоставлении грантов:

- имеется собственное направление научных исследований (региональное книговедение);
- существует два поколения ученых; на сегодняшний день — четыре доктора наук, один из учеников С.А. Пайчадзе, С.Н. Лютов, подготовил уже пять кандидатов наук, продолжает (вслед за С.А. Пайчадзе) разрабатывать проблемы военной книги и, соответственно, может сформировать собственную научную школу;
- растет квалификация членов школы, имеются докторанты и аспиранты;

- замечен постоянный интерес к состоянию дел в соответствующей отрасли науки, имеется значительное число международных публикаций; организуются и проводятся конференции, круглые столы, семинары;

- признание в научном сообществе, что отражается в публикациях в профессиональной печати.

Таким образом, в данном случае пока нет лишь третьего поколения ученых.

Под руководством С.А. Пайчадзе подготовлено 18 кандидатских диссертаций, А.Л. Посадкова (занимается региональной книжной культурой, разрабатывает теоретические аспекты книговедения) — шесть кандидатских диссертаций, есть докторанты и аспиранты. Эти коллективы совместно организуют и проводят конференции (Макушинские чтения), круглые столы (например, посвященные Всемирному дню книги) и семинары.

Группа библиотекведов под руководством Б.С. Елепова — О.Л. Лаврик (теоретические аспекты информационных технологий в библиотеках) и группа Л.А. Кожевниковой (экономика библиотечного дела и региональное библиотековедение) имеют достаточное количество защищенных кандидатских диссертаций (более десяти в каждой), свое направление исследований, признание в научном сообществе, активно участвуют в развитии науки. Однако и в этих школах пока отсутствует третье поколение ученых, объединенных связью «учитель—ученик», и нет самостоятельно подготовленных докторов наук.

Результаты анализа авторефератов показывают, что диссертанты, руководителями которых являются лидеры указанных научных коллективов (как библиотекведческих, так и книговедческих), активно цитируют их, а также коллег — участников научных школ. Таким образом, присутствует еще один признак научной школы.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что процесс институализации указанных коллективов окончательно не завершен, хотя и близок к этому: во всех коллективах есть докторанты и аспиранты, которые впоследствии имеют основания сформировать третье поколение ученых. На сегодняшний день эти научные группы могут с полным правом именоваться научными школами как типологической формой «школа — научное направление».

Итак, за небольшой период чуть менее 20 лет ведущими специалистами ГПНТБ СО РАН проделана большая научная работа, активно идет процесс становления и развития научных школ при библиотеке, имеющий положительные перспективы [1].

Две признанные «научные столицы» — Москва и Санкт-Петербург — имеют научные школы в области библиотекведения, библиографоведения и книговедения, которые складывались и формировались почти сотню лет, в то время как Ново-

сибирск прошел этот путь в очень короткие сроки — за 30 лет. Это, безусловно, можно считать важным и значимым достижением сибирской науки.

В других городах Сибири и Дальнего Востока также идет формирование научных школ в области библиотековедения. Например, в Кемерово работают научно-исследовательские коллективы, лидеры которых — доктора педагогических наук Н.И. Гендина и И.С. Пилко. Под их руководством подготовлены и защищены кандидатские диссертации в диссертационных советах при ГПНТБ СО РАН и Челябинской академии культуры и искусств. Также формируются научно-исследовательские коллективы под руководством доктора социологических наук Р.А. Трофимовой в Барнауле (библиотечная социология), Хабаровске — доктора педагогических наук Е.Ю. Качановой (сетевое взаимодействие в области библиотечной инноватики).

Однако заметно, что развитие библиотековедения, библиографоведения и книговедения как отдельных научных дисциплин (со своими научными школами в классическом понимании) связано, в основном, с двумя городами — Новосибирском и Кемерово. В Новосибирске научным центром в данных областях является ГПНТБ СО РАН, в Кемерово — Кемеровский государственный университет культуры и искусств (КемГУКИ). Эти организации много лет объединяют тесные научные, образовательные и личные связи сотрудников. Многие специалисты ГПНТБ СО РАН заканчивали в разные годы кемеровский вуз, преподавали в нем (при библиотеке долго существовало представительство вуза, работало заочное отделение). Сотрудники КемГУКИ являлись членами диссертационного совета при ГПНТБ СО РАН и т. д.

Научные коллективы ГПНТБ СО РАН и КемГУКИ готовят специалистов преимущественно для сибирско-дальневосточного региона. Кандидаты наук, защитившие диссертацию в диссертационном совете при ГПНТБ СО РАН, работают в центральных библиотеках регионов, в научных библиотеках вузов, преподают в вузах культуры Сибири и Дальнего Востока.

Процесс формирования научных школ идет и при других вузах Сибири — Омском и Томском государственных университетах (библиотечная культурология и библиотечно-информационная технология соответственно).

В сибирско-дальневосточном регионе научные школы и коллективы зародились и продолжают формироваться не только при вузах (как в большинстве случаев в европейской части России), но и при крупных библиотеках — центральных библиотеках территорий, например при Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия). Ведущие специалисты библиотеки, кандидаты наук (О.И. Афанасьева, Г.Ф. Лерьева, С.В. Максимова и др.) были подготовлены учеными ГПНТБ СО РАН. Поэтому указанный коллектив является как бы «ветвью» научной школы «регионального библиотековедения» и книговедения.

Все это позволяет говорить о том, что научные сотрудники ГПНТБ СО РАН внесли большой вклад в развитие библиотековедения, библиографоведения и книговедения в сибирско-дальневосточном регионе, в процесс подготовки научных кадров, в развитие научного и образовательного потенциала территории. Этот процесс имеет свои особые черты, свой генезис, закономерности и этапы, которые еще предстоит выявить и изучить.

Различные точки зрения авторов на вопрос о сущности феномена научных школ, критериев их идентификации и значения в развитии науки показывают, что за более чем три десятка лет в библиотековедении, библиографоведении и книговедении единство взглядов еще не достигнуто. Трудно даже сформулировать положения (помимо двух:

наличие лидера, отдельного метода или направления исследований), с которыми согласилось бы большинство специалистов. Однако усиливающийся в последнее время интерес к этой теме дает основания предположить, что профессиональное библиотечное сообщество скоро достигнет определенного компромисса по данной проблеме.

Примечание

* Считается, что начало изучению было положено в 1977 г. с выходом в свет сборника: Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского [и др.]. — М. : Наука, 1977. — 526 с.

Список источников

1. *Артемова Е.Б.* Повышение квалификации библиотечных работников: между прошлым и будущим / Е.Б. Артемова, И.А. Гузнер // Библиосфера. — 2012. — № 5. — С. 103—108.
2. *Борисова О.Б.* Научно-исследовательские коллективы в библиотековедении: наукометрический анализ // Науч. и техн. б-ки. — 1997. — № 8. — С. 7—15.
3. *Она же.* Состояние библиотековедения: оценка в наукометрических исследованиях // Науч. и техн. б-ки. — 1996. — № 2. — С. 46—56.
4. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практика : пер. с фр. / П. Бурдые ; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н.А. Шматко. — М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. — 576 с.
5. *Воверене О.И.* Идентификация научных школ в библиотековедении, библиографоведении и информатике / О.И. Воверене, О.П. Вилькина, Д.А. Рингайтите // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1989. — № 2. — С. 11—18.
6. *Григорьянц А.С.* Достойное пополнение // История и перспективы библиотечного образования : сб. науч. трудов. — Л., 1988. — С. 186—193.
7. *Дежина И.* Научные школы: форма стагнации или интеллектуальной капитализации? / И. Дежина, В. Киселёва // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 1. — С. 43—51.
8. *Захарчук Т.В.* Научная школа в библиографоведении: представления профессионального сообщества // Науч.-техн. информация. — Сер. 1. — 2012. — № 11. — С. 24—29.
9. *Она же.* Научная школа в библиографоведении: теоретико-методологический аспект : автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» / Т.В. Захарчук. — СПб. : [Б. и.], 2013. — 43 с.
10. *Кабанова Н.М.* К проблеме наукометрического анализа диссертационного фонда // Вестн. Библ. Ассамблеи Евразии. — 2012. — № 3. — С. 50—55.
11. *Кубряк Е.Н.* Количественный анализ научно-исследовательской активности универсальных научных библиотек России / Е.Н. Кубряк, Г.А. Райкова // Библиотековедение. — 2009. — № 6. — С. 17—23.
12. *Она же.* Проблема «критической массы» диссертационных исследований в библиотековедении // Науч. и техн. б-ки. — 2010. — № 3. — С. 5—16.
13. *Она же.* Развитие научно-исследовательской деятельности: предложения центральных региональных библиотек // Науч. и техн. б-ки. — 2009. — № 5. — С. 5—18.
14. *Кун Т.* Структура научных революций / Томас Кун ; [пер. с англ. ; вступ. ст. В. Кузнецова]. — М. : АСТ, 2003. — 605 с.
15. *Левин А.С.* Итоги семилетнего функционирования программы поддержки ведущих научных школ и туманные перспективы ее дальнейшего существования // Акустика неоднородных сред : сб. тр. семинара науч. школы проф. С.А. Рыбака. Вып 3. — М. : Рос. акустическое общество, 2002. — С. 149—152.
16. *Михеева Л.Н.* Диссертационные исследования по библиотековедению, библиографоведению и книговедению. 1986—2000 гг. (по материалам авторефератов) / Л.Н. Михеева, А.А. Папунина // Библиотековедение. — 2001. — № 1. — С. 116—125.
17. *Орлов В.В.* Научные школы кафедры библиотековедения и теории чтения библиотечно-информационного факультета СПбГУКИ // Библиотечное дело — 2013: библиотечно-информационная деятельность в современной системе информации, документных коммуникаций и культуры : материалы Восемнадцатой Междунар. науч. конф. (Москва, 24—25 апр. 2013 г.). — Ч. 1. — М. : МГУКИ, 2013. — С. 79—82.
18. Совет по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://grants.extech.ru/show_news.php?id=43
19. *Храмкова Е.Л.* Региональные диссертационные исследования по истории библиотечного и книжного дела (1941—1945 гг.) // Библиотековедение. — 2007. — № 6. — С. 111—116.
20. *Черняк А.Я.* Зеркало развития науки // Сов. библиография. — 1981. — № 6. — С. 65—68.
21. *Шабалина М.В.* Книговедение: опыт региональных изысканий / М.В. Шабалина. — М. : Либерия, 2006. — 160 с.
22. *Ярошевский М.Г.* Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского [и др.]. — М. : Наука, 1977. — 523 с.

Контактные данные:
e-mail: tandem@ngs.ru